

студентовъ чтеніе *viva voce*. Къ сожалѣнію, профессоровъ, которые приняли и усвоили себѣ такую манеру чтенія, не особенно много. Немало, въ мое время, было такихъ, которые имѣли обширные конспекты, которые незамѣтнымъ образомъ переходили въ тетради. А между тѣмъ чтеніе живымъ голосомъ имѣетъ за собою все, что дѣлаетъ университетскія лекціи привлекательными. Наоборотъ бѣда, когда профессоръ является на кафедру съ увѣсистою тетрадью, по которой можно спѣшно читать, какъ по книгѣ. Рѣчь его тогда ринется, какъ шумный потокъ съ крутой горы. Не разслышишь произнесенныхъ фразъ, не успѣешь сообразить только сейчасъ прочитаннаго, запомнить ходъ мыслей. И чѣмъ труднѣе по своимъ свойствамъ предметъ, тѣмъ болѣе даетъ себя знать, въ неблагопріятномъ смыслѣ, спѣшное чтеніе. Въ 1879—1880 академическомъ году на одномъ изъ факультетовъ Московскаго университета былъ открытъ приватный курсъ интереснѣйшей науки не только для филологовъ, но и для естественниковъ и юристовъ. И что же случилось? Несмотря на весь интересъ, возбуждаемый свойствами предмета, и на серьезное желаніе хорошенько вдуматься и вникнуть въ раскрытіе истинъ новой для насъ науки, мы были принуждены ретироваться съ нововведеннаго курса. Профессоръ (приватъ-доцентъ), вооружившись толстою тетрадью, двинулся впередъ съ быстротою курьерскаго поѣзда. Я въ то время могъ стенографировать свободно по 110 словъ въ минуту и отставалъ отъ лектора. Что же потомъ? Лекція была кое-какъ изъ пятаго въ десятое выслушана, но за симъ оказалось, что въ головѣ все спуталось, связующія представленія и понятія улетучились, и ничего цѣльнаго нѣтъ. Прибавлять ли къ этому, что на такія лекціи ходить не стоило; съ успѣхомъ можно было наверстать пропущенное, не спѣша и основательно прочитывая дома то, что даетъ стенографія.

О. И. Буслаевъ, читая лекцію, имѣлъ подъ руками письменныя замѣтки, гдѣ были необходимыя цитаты, планъ лекціи и т. п. Но въ остальномъ онъ говорилъ свободно и передавалъ свою рѣчь мастерски. Не допуская ни малѣйшаго преувеличенія, скорѣе—не имѣя возможности выразить такъ, какъ бы это хотѣлось, замѣчательнаго искусства Буслаева читать лекціи, я скажу, что въ смыслѣ умѣнья поддерживать въ своей аудиторіи самое интенсивное вниманіе и интересъ къ дѣлу О. И. имѣлъ не многихъ соперниковъ. И какою, повторяю, у него тѣсною неразрывною связью были соединены смыслъ фразы съ внѣшнимъ ея выраженіемъ! Вотъ, напримѣръ, онъ рассказываетъ, какъ въ апокрифахъ изображенъ страшный судъ, въ видѣ того суда, который вершили византійскіе императоры, возсѣдая на тронѣ, окруженные многочисленною свитою... Лицо его дѣлается величавымъ и серьезнымъ, голосъ принимаетъ величественную торжественную интонацію, жесты вполне соотвѣствуютъ пред-